

Глава 1

— Нежнее...

Едва слышимый звук — почти всхлип, почти стон — растворился в прерывистом дыхании, канул в никуда.

Сяо Линь услышал. Но сделать ничего не мог — не в силах был. Тот, кого он держал в объятиях, так восхитительно пах, так дивно звучал его голос, и жар от него всё нарастал, нарастал, и Сяо Линь хотел только одного: вдыхать этот запах снова и снова, слышать этот голос.

Однокомнатная квартира — крохотная клетушка. В тесном пространстве феромоны сгустились настолько, что, казалось, ещё немного — и воздух материализуется, обретёт плоть.

Аромат омеги. Вдохнуть его — всё равно что из душной, перегретой комнаты шагнуть в раннее утро первой зимы, когда падает мелкий снег и морозный воздух слегка жжёт лёгкие.

Но это ощущение — странное дело — не отталкивало. Напротив, освежало, словно смывало всю усталость, всё раздражение, а потом откуда-то наплывало нежное, едва уловимое благоухание неизвестного цветка, и начиналось падение — медленное, неостановимое.

Хотелось обнять его. Хотелось владеть им.

Жажда этого человека захлёстывала с головой.

Молодой альфа не мог совладать с инстинктом. Он стиснул ладонями тонкую талию, торопясь взять больше, ещё больше.

Сяо Линь никогда прежде этого не делал — но генетическая память говорила сама за себя: клыки зудели, и он непроизвольно тянулся зубами к шее своего омеги.

Однако стоило приблизиться — и он учуял чужой запах. Чужие феромоны, агрессивные, враждебные, принадлежащие кому-то другому.

Мозг на мгновение остыл.

Сяо Линь опустил взгляд на шею омеги, на белоснежную кожу, где под ней угадывался едва заметный бугорок — железа. Место, которое должно было ждать его, принять его метку, — уже носило чужой след. Глубокий отпечаток клыков.

У альф-новых людей клыки развиты сильнее, чем у старых: именно так феромоны впрыскиваются точнее, надёжнее. С тех пор как человечество встало на путь дифференциации, обоняние преобразилось до неузнаваемости — информация, считываемая с запаха, стала несравнимо богаче.

Тот, кто оставил этот след, был очень сильным альфой. В период гона, когда инстинкты берут верх над разумом, Сяо Линь ощутил это как угрозу.

Впрочем, логично. Разве слабый альфа мог бы завоевать красавца, которого сейчас держал в объятиях?

Сяо Линь почти мгновенно залился ревностью. Он приподнял подбородок омеги и увидел лицо — лицо, пленившее его с первого взгляда и не отпустившее с тех пор.

Гены омеги выражены почти идеально. Каждая черта словно выточена Богом с невозможной тщательностью. Янтарные глаза затуманены, ресницы едва дрожат, и этот взгляд — исподволь, в упор — заставил Сяо Линя задержать дыхание.

Серебристые волосы рассыпались по плечам, наполовину скрывая фарфоровое тело, — и от него веяло той же лёгкостью, что и от первого снега.

Когда человек, похожий на лёд и снег, начинает таять ради тебя — в этом есть что-то невыносимо прекрасное.

Невозможно его не любить.

Сяо Линь склонился и поймал губами те губы — слегка припухшие, нежнее лепестков. Других омег он не целовал никогда, и не мог знать, эта сладость — настоящая или только кажется. Знал лишь одно: хочется проглотить его целиком. Рука сжала шею омеги, не позволяя ускользнуть.

Хотя тот и не думал сопротивляться — послушный, мягкий, ни тени желания вырваться.

Но альфийский инстинкт доминирования всё равно взял своё. Поцелуй — неумелый, угловатый, почти жестокий — выдавал человека, который не умеет, но хочет слишком сильно.

Цинь Шэнсюэ не сдержал стога. Клыки альфы рассекли кончик его языка, феромоны ворвались сквозь ранку — острая боль, мгновенная и отчётливая.

Неопытный юнец. Совсем как щенок, который оберегает кость: весь — в нём, весь — только чтобы оставить на нём как можно больше своего.

Впрочем, Сяо Линь спохватился, едва почувствовал кровь. Поцелуй сразу стал мягче — почти задабривающим, нежным до виноватости. Но только поцелуй.

Цинь Шэнсюэ не мог и рта раскрыть. Эволюция наградила новых людей-альф щедро, Сяо Линь же — с явным перебором, и поначалу Цинь Шэнсюэ всерьёз сомневался, справится ли. Но тело омеги создано именно для этого, и опасения оказались напрасными.

Феромоны Сяо Линя вливались в него волна за волной. Цинь Шэнсюэ принимал их — и одновременно чувствовал, как железа отзывается пульсирующей болью. Здесь, рядом с мозгом, нервы реагируют мгновенно, и боль была особенно острой.

После полной маркировки новые люди сохраняли абсолютную верность партнёру. Тело запоминало его феромоны, хранило их, а затем гены незаметно перестраивали физиологию — делали двоих совместимее. Эволюция выбрала именно этот путь: стабильная пара создаёт лучшие условия для продолжения рода.

Но из каждого правила есть исключения. Воля человека нередко опережает биологию — не все хотят подчиняться инстинктам, некоторые отвергают даже период гона. Партнёрство по-прежнему оставалось исключительным, однако способы его расторгнуть существовали.

Вот и сейчас: Цинь Шэнсюэ, однажды уже получивший метку, нуждался лишь в том, чтобы феромоны Сяо Линя постепенно вытеснили след прежнего альфы. Чем сильнее был тот альфа, тем глубже отпечаталась его метка — и тем мучительнее было её стирать.

Сяо Линь почувствовал, как тело в его руках напрягается, сводится судорогой. Понял: ему сейчас очень больно.

Но иначе нельзя. Прежний альфа умер, а омега, вошедший в период гона после полученной метки, — омега, которому супрессанты не помогли и которому неоткуда взять феромоны партнёра, — обречён угаснуть. Удалить железу — ещё один выход, но нынешние технологии не способны полностью компенсировать выработку гормонов после операции: сокращение жизни, непредсказуемые последствия.

Сяо Линь неловко, но старательно целовал своего омегу, смягчая голос, пытаясь успокоить:

— Смоется — и больше не будет больно. Смоется — и всё пройдёт.

Но сам явно говорил не то, что думал. Последние слова выдавил сквозь зубы.

Ревность почти сжигала его заживо. Ни один альфа не в состоянии смириться с тем, что его омегу держал кто-то другой, — пусть даже сам он появился позже.

Сяо Линь невольно представил: когда тот, другой, обнимал Цинь Шэнсюэ — тот так же

реагировал? Так же источал этот сладкий аромат, принимал другого человека?

Этот мёртвый альфа вгрызся в метку так яростно, что даже сейчас, несмотря на регенерацию новых людей, след остался — глубокий, отчётливый. Значит, он отчаянно хотел его. И пока держал зубами его железу — наверное, точно так же брал его, не сдерживаясь ни на миг.

От этой мысли Сяо Линь почти терял рассудок.

Репродуктивная полость Цинь Шэнсюэ ещё не открылась — но это ничего не доказывало. Мужская репродуктивная полость не открывается просто так: даже после маркировки требуется неустанная, день за днём, работа альфы. Первая попытка почти всегда оканчивается неудачей; в стандартную неделю периода гона альфа пробует снова и снова, и нередко нужен второй или даже третий цикл.

Сколько раз пробовал он?

Сяо Линь чуть не сходил с ума от этих мыслей. Единственное, что утешало: полной маркировки тогда не произошло. Чужие гены не успели влиться в тело Цинь Шэнсюэ — иначе огонь ревности, может быть, и вправду испепелил бы Сяо Линя дотла.

Наконец он впрыснул феромоны в самую глубину. Цинь Шэнсюэ беззвучно выгнулся — тело захлестнули волны наслаждения и боли одновременно, спутанные, неразделимые, — и он забился, пытаясь вырваться.

Но альфа не позволил. Держал крепко, не отпускал, продолжая давить на закрытую точку.

Инстинкт. Каждый альфа это знает — обычными методами репродуктивную полость не открыть, пока нет полной маркировки. Но тело само делало своё.

Постепенно омега, который ещё только что сопротивлялся, затих. Обмяк. Стал мягким и покорным.

И в этот момент из глубокого следа клыков на железе Цинь Шэнсюэ выступила кровь.

Это был знак: чужие феромоны вытесняются. Будь прежняя маркировка завершённой — след затянулся бы мгновенно, феромоны партнёра намертво впились бы в ДНК. Но этого не случилось, и уже не случится никогда.

Сяо Линь ждал этой минуты. Наконец-то что-то похожее на удовлетворение.

Теперь его омега не будет тосковать ни по кому другому. Только с ним — одним им — до конца.

Всё, что сделал тот человек, обратится в ничто.

Сяо Линь смотрел в потерянные, прекрасные глаза омеги, поднял его на руки и унёс в тесную ванную. Открыл душ, смыл кровь с шеи, отмыл серебристые волосы, в которые тоже попало немного. Пустяки — это смывается.

Всё, что оставил тот человек, — в конце концов смывается.

Под тёплыми струями воды Сяо Линь едва ли не воочию наблюдал, как след клыков на шее Цинь Шэнсюэ бледнеет, растворяется. Это зрелище завораживало. Он прижал омегу к стене, не в силах совладать с собой, — хотел встать на его место, занять его навсегда.

Запомни меня. Только меня. Отныне — только мне сюда входить.

Цинь Шэнсюэ чувствовал нетерпение Сяо Линя: ни секунды промедления — и уже тянется зубами к шее.

В клубах пара феромоны разгорячённого альфы становились всё отчётливее — мята пополам с лимоном, свежие, но не холодные, почти сладкие.

Этот запах кружил голову. Долгий приём супрессантов обострил чувствительность сверх всякой меры, и аромат, который прежде раздражал, теперь не вызывал ничего, кроме хмельного успокоения. Тревога периода гона таяла, утихала в этом запахе.

На какое-то мгновение Цинь Шэнсюэ даже подумал: а ведь ничего страшного нет в том, чтобы принять его метку.

Только метка снова не получилась.

Цинь Шэнсюэ медленно моргнул. Результат его не удивил.

Но альфу, судя по всему, это ударило. Только что — напористый, неудержимый, — а теперь стоял как мокрый щенок. Из тех, которых бросили.

Сяо Линь почти потерял самообладание. Он же смыл чужие феромоны — и всё равно маркировка не вышла. Железа выдавила его феромоны обратно — прямо у него на глазах. Это значило одно: прежний альфа был сильнее, чем он думал.

Большую часть чужого следа он стёр, да. Но то, что осталось, — всё равно помешало.

Разумом Сяо Линь понимал: нужно просто время. Но разрыв оказался реальным, ощутимым, —

и это давило.

Тут Цинь Шэнсюэ тихо прижался щекой к его щеке. Негромко, с мягкой теплотой сказал:

— Ты ещё молодой. Подрастёшь — получится.

Феромоны только что достигшего совершеннолетия альфы от природы слабее. То, что он уступил тому, другому, — само по себе неудивительно.

Сяо Линь это знал. Понимал, что Цинь Шэнсюэ прав. И всё равно горечь никуда не ушла.

Почему?

Почему они не встретились раньше?

Если тот человек был обречён умереть — почему не раньше, до них?

Даже неполная метка смывается с таким трудом. А след в сердце?

Он будет помнить того человека всю жизнь?

Сяо Линь стиснул зубы. Не спросил — боялся причинить боль. Молча домыл его, завернул в полотенце, уложил обратно на кровать.

В период гона омеги после близости клонит в сон: горизонтальное положение и глубокий сон увеличивают шансы зачатия, какова бы ни была природа этой ночи, — гены запрограммированы именно так.

У альфы же, напротив, сил было хоть отбавляй. Сяо Линь выбрал самый медленный способ — зато бесшумный: взял старую ручную сушилку и принялся осторожно сушить волосы Цинь Шэнсюэ.

Раньше он не видел в ней никаких неудобств — сам пользовался, и ладно. Но у жены волосы длинные. Значит, нужна новая, мощнее. Он как-то видел рекламу — новая модель, сушит и ухаживает одновременно.

Пальцы сами потянулись, скользнули в серебристые пряди. Даже волосы у него красивые — до обидного, до невозможности.

Сяо Линь посмотрел на спящее лицо. Посмотрел на то, как Цинь Шэнсюэ лежит на его узкой односпальной кровати.

Красиво. Как будто даже это убогое жильё вдруг подёрнулось сиянием.

Удовлетворённость тихо разливалась внутри — и тут же рядом росла другая мысль: когда они поженятся, можно будет подать заявку на квартиру побольше. Военная стипендия плюс жалованье — хватит, чтобы содержать омегу.

Если А-Сюэ захочет работать — пусть работает. Не захочет — пусть живёт дома.

Хотя просто «хватит» — мало. Нужно больше. Гораздо больше. Чтобы его красивая жена жил в довольстве, ни в чём не нуждался, ни разу не узнал, что такое лишения.

Это были не пустые мечты. Сяо Линь уже зачислен в Федеральный военный институт. Жалованье рядового солдата — и то достаточно для небедной жизни на троих; льготы на медицину и социальное обеспечение для военных семей — щедрые, несравнимые с гражданскими.

И рядовым Сяо Линь оставаться не собирался. Ради Цинь Шэнсюэ он будет рваться вперёд изо всех сил.

Так что жизнь у них станет лучше. Непременно.

Ещё и дети когда-нибудь появятся...

От этой мысли Сяо Линь сам не заметил, как залился краской. Лицо — обычно дерзкое, красивое юношеское лицо — вдруг приобрело ту застенчивость, которая и положена в его возрасте.

Он не удержался и осторожно коснулся щеки спящего. Нежная кожа под пальцем — и в груди что-то мгновенно размягчилось.

Сяо Линь знал, что Цинь Шэнсюэ старше него. И всё равно хотелось баловать его.

Сколько проспит — неизвестно. Он двигался как можно тише: заглянул в холодильник, обнаружил, что нутриентов почти не осталось, открыл личный терминал и заказал самые дорогие из продающихся сейчас на рынке — предварительно изучив отзывы и выбрав с наивысшим рейтингом по вкусу.

Сам он к еде был равнодушен — лишь бы сытно, запрокинул и выпил, и готово. Но Цинь Шэнсюэ, судя по всему, вкус всё-таки имел значение.

В период гона омеги принимают только жидкую пищу. Сяо Линь не хотел, чтобы жена в этом тоже страдал.

Думая об этом, он не удержался и заглянул в раздел свежих продуктов. С тех пор как человечество вышло в космос, натуральные продукты стали роскошью; большинство питалось синтетикой или выращенными в лабораториях культурами — питательно, но безвкусно.

Прикинув по дням, Сяо Линь понял: период гона закончится примерно через двое суток. Тогда аппетит вернётся. Он заказал кусок настоящей говядины — дорогой, настоящей.

От этого ведь будет радостно, правда?

Нутриенты доставили быстро — он выбрал тихую доставку, терминал лишь коротко пискнул. Сяо Линь на цыпочках вышел, забрал пакет, поставил одну упаковку на прикроватную тумбочку, остальное убрал в холодильник.

Покончив с этим, он осторожно вернулся на край кровати — сидеть рядом со спящей женой.

Когда Цинь Шэнсюэ открыл глаза, Сяо Линь смотрел на него точь-в-точь как золотистый щенок, ждущий хозяина. Зелёные глаза тут же вспыхнули.

Цинь Шэнсюэ не засыпал по-настоящему — чужое присутствие рядом не давало погрузиться в глубокий сон. Но лёгкая дремота оказалась достаточной.

В период гона голод не ощущается, однако энергию всё равно нужно пополнять — иначе не выдержать такой нагрузки.

Он взял упаковку из рук Сяо Линя, почувствовал, что тело ещё не восстановилось до конца, лёг на спину и медленно, запрокинув голову, принялся пить через трубочку.

В прошлый раз нутриенты были невыносимы на вкус. Он готовился к худшему — и удивился: на этот раз сносно.

Когда упаковка опустела, Цинь Шэнсюэ разглядел марку. Повернул голову и посмотрел на Сяо Линя.

Тот был именно его типажа с первого взгляда: золотоволосый, зеленоглазый красивый щенок — и, как выяснилось, ещё и внимательный.

Настоящий.

Мысль не успела оформиться до конца — тело уже налилось жаром. Цинь Шэнсюэ бросил пустую упаковку, выбрался из-под одеяла, которое тут же сползло вниз, обнажив его, и потянулся вперёд, целуя Сяо Линя в губы.

Феромоны омеги снова сгустились в воздухе.

Сяо Линь только что смотрел, как он пьёт нутриенты через трубочку, — и уже тогда непроизвольно сглотнул. Когда Цинь Шэнсюэ прикоснулся к нему губами — включился мгновенно.

Такой душистый.

Справляться с омегой в период гона — задача не из лёгких. Душистый и прекрасный — и каждый раз выжимает из него феромоны досуха, до самого дна.

Сяо Линь отдавал всё, что мог, — и снова пытался поставить метку.

И снова не вышло.

Снова уснул в объятьях запаха тонкого снега и стужи. Не захотел расставаться — обнял крепко, не выпуская, словно только так и можно было восполнить горечь от очередной неудачи.

Цинь Шэнсюэ открыл глаза, когда тот уже спал. В теле проснулся отчётливый голод — значит, период гона закончился.

Он поморщился. Опёрся на руку, долго лежал неподвижно, собираясь с силами, прежде чем кое-как высвободиться.

У омег высокая задерживающая способность — обычно потерь почти нет. Но сегодня щенок явно перестарался: на бёдрах было слишком много лишнего.

Цинь Шэнсюэ отправил сообщение с браслета на запястье, потом взял с тумбочки несколько бумажных салфеток, вытерся. Натянул спортивные брюки Сяо Линя — своя одежда пришла в негодность, — вытащил из кулиски шнурок и стянул им растрепавшиеся волосы в высокий хвост.

Тот прекрасный, хрупкий красавец точно никогда не существовал. Сейчас он выглядел как пригоршня холодного снега — и только. Не оглядываясь, вышел за дверь.

Ночь. Фонари погашены — энергосбережение. Тихие переулки на отшибе, вдали от центра. Квартал для малоимущих граждан Федерации: крохотные клетушки-студии, стиснутые одна к другой, как голубятня.

Омега без метки, в одиночестве, ещё не до конца растерявший запах периода гона — пусть даже перебитый чужими феромонами альфы, сильными и густыми.

Из темноты метнулась рука.

Цинь Шэнсюэ шагнул в сторону, перехватил запястье, в следующий миг колено ударило в живот нападавшего — и не успел стихнуть вскрик, как свободный кулак уже опустился точно в висок.

— Хрясь.

Даже в крике этот звук расслышать можно. Череп — пополам.

В слабом свете искусственной луны на лице умирающего застыло выражение, которого он так и не успел сменить: невозможно, невозможно, чтобы омега мог вот так.

Цинь Шэнсюэ слегка нахмурился. Почувствовал, что по бедру снова что-то стекает. Интересно — если бы удар коленом вышел точнее, второго не понадобилось бы вовсе.

Первый рухнул. Темнота снова стала тихой.

Цинь Шэнсюэ не задержался — продолжал идти. Спокойно. Медленно.

Потом за спиной снова зашевелилось.

Он не удержался от лёгкого смеха:

— Альфы...

Период гона уходил, голод становился всё отчётливее. Сейчас у Цинь Шэнсюэ не было никакого терпения.

Концентрация его феромонов сейчас была недостаточна, чтобы вогнать альфу в безумие. И всё же — лезут. Прямо под руку. Поистине...

Сверху упал луч света. Нарастающий гул флаера.

Цинь Шэнсюэ закатил глаза, опустил закатанный было рукав.

Опознавательный знак Федерального военного ведомства виднелся отчётливо. Желающих нарваться больше не нашлось.

Цинь Шэнсюэ привалился к стене. Смотрел, как его бета-адъютант открывает люк и чеканит

стандартное военное приветствие.

— Господин офицер, как вы себя чувствуете?

Цинь Шэнсюэ без выражения произнёс:

— Ноги не держат. Подойди, помоги.

Адъютант замолчал.

<http://bllate.org/book/18348/1764394>